

О. И. Рогова

Русские богатыри

**Избранные былины в пересказе
для детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.102
О-11

О-11 **О. И. Рогова**
Русские богатыри: Избранные былины в пересказе для детей / О. И. Рогова –
М.: Книга по Требованию, 2012. – 193 с.

ISBN 978-5-458-28793-7

ISBN 978-5-458-28793-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.



изнь народа“, „ростъ народной жизни“, „народъ живетъ, растетъ, развивается, старѣется и умираетъ“—все это такія извѣстные, избытыя выраженія, что, по большей части, надъ ними рѣдко и задумываются, рѣдко даютъ себѣ отчетъ въ ихъ значеніи. Мы видимъ, что человѣкъ, растеніе, животное, дѣйствительно, живутъ: они живутъ осязательно, питаются, крѣпнутъ, слабѣютъ и старѣются на нашихъ глазахъ. Но народъ?—какъ прослѣдить жизнь такого сложнаго организма, да и организмъ ли это? Не выдумка ли это нашего воображенія, не натяжка ли, основанная на сравненіи?

Исторія разрѣшаетъ наши сомнѣнія; она знакомитъ насъ съ цѣлыми группами народовъ, которыхъ мы можемъ видѣть на разныхъ ступеняхъ развитія, можемъ прослѣдить, какъ они постепенно сходили со сцены и замѣнялись другими, которые развивались новою жизнью, росли и крѣпли.

Историческіе памятники: преданія, сказанія, лѣтописи, литература—это тѣ остатки, по которымъ мы знакомимся съ былою судьбою; они намъ рисуютъ народъ въ его раннемъ возрастѣ, они намъ даютъ понятія о томъ, каковъ онъ былъ прежде.

Наша русская жизнь сложилась еще, сравнительно, недавно: въ исторіи всего человѣчества тысячелѣтіе все равно, что годъ; но и мы богаты памятниками народной жизни, и у насъ есть древняя устная и письменная словесность.

Частичку этого народнаго богатства мы предлагаемъ теперь молодымъ читателямъ въ свободномъ пересказѣ.

Передъ нами народъ-младенецъ, народъ, только что начинающій развиваться. Въ немъ преобладаетъ пока грубая сила, онъ борется, побѣждаетъ, хвалится своими побѣдами, олицетворяетъ силы природы, съ которыми ему приходится сталкиваться, стремится одолѣть все враждебное, поклоняется всему благопріятному. Это старшіе богатыри, это Вольга, Сухмантій, Потыкъ.

Народъ еще не привыкъ къ осѣдлости, онъ живетъ охотою, грабежомъ, у него силушки такъ много, что она по жилочкамъ живчикомъ переливается; но эта сила физическая, чувственная, проблески духа рѣдки, произволь и насиліе зачастую переищиваются съ проявленіями храбрости и геройства.

Однако, мало-по-малу развивается въ народѣ и нравственный элементъ: христіанство смѣняетъ язычество, любовь къ ближнему облагораживаетъ душу, а болѣе близкое знакомство съ природою влечетъ за собою осѣдлую жизнь, открываетъ болѣе легкіе способы существованія. Появляется богатырь-земледѣлецъ, Микула Селяниновичъ, которому физическая сила служитъ только средствомъ самозащиты, помогаетъ управиться съ природою и направить ея силы въ свою пользу.

Наконецъ, осѣдлая жизнь съ ея требованіями приводитъ народъ къ жизни общественной, къ установившимся законамъ; физическая сила не только примѣняется какъ средство самозащиты въ борьбѣ съ окружающимъ, но служитъ и на помощь ближнему; ею управляетъ сила нравственная, сила разума, который освѣщаетъ поступки и желанія.

Является Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ—богатыри, стоящіе за общественныя нужды, употребляющіе силу, унаслѣдованную отъ старшихъ богатырей, на служеніе общимъ интересамъ. Если они и убиваютъ, какъ, напримѣръ, Илья—въ битвѣ съ татарами, съ Идолищемъ, съ Соловьемъ, то убиваютъ по необходимости, убиваютъ грабителей и разорителей; если они и увлекаются порывами гнѣва, какъ Добрыня въ ту минуту, когда Алеша хочетъ жениться на Настасѣ Микуличнѣ, то довольно разумнаго слова, довольно напоминанія о долгѣ, и они умѣютъ удержать себя: „Не убей брата меньшого!“ напоминаетъ Добрыня Илью, и у того руки опускаются. Чувство долга въ нихъ такъ сильно, что можетъ ихъ заставить дѣйствовать вопреки желанію: Ильѣ не хочется мириться съ княземъ Владиміромъ, но пришелъ за нимъ Добрыня, и онъ идетъ съ братомъ меньшимъ, потому что не хочетъ

и не можетъ ослушаться заповѣди, чтобы старшій братъ названный слушалъ во всемъ младшаго.

Но рядомъ съ нравственными чертами сложная общественная жизнь порождаетъ и дурныя черты: жадность къ деньгамъ, завистливость, олицетворенную въ Алешѣ Поповичѣ; заносчивость, хвастливость — въ Чурилѣ и Дюкѣ; все это вѣрно подмѣчено народомъ и воспроизведено въ живыхъ образахъ.

Воинственность проглядываетъ во всѣхъ подвигахъ богатырей: то князь посылаетъ ихъ на борьбу съ тѣмъ или другимъ недругомъ, то сами они охраняютъ святую Русь на заставахъ и борются со врагами. Это иначе и быть не могло, потому что молодому народу приходилось ограждать себя отъ болѣе сильныхъ сосѣдей или отъ кочевниковъ, которые разоряли землю.

Всего больше упоминается о татарахъ, потому что татарское нашествіе оставило по себѣ самую тяжелую память въ народѣ.

Большая часть богатырей группируется около князя Владимира въ Кіевѣ. Съ личностью Владимира въ памяти народа связано воспоминаніе о ласковомъ, добромъ князѣ, понятіе о немъ смѣшивается съ древнимъ понятіемъ о богѣ солнца, тоже добромъ, ласковомъ, оттого Владимира и называютъ Краснымъ Солнышкомъ.

Совершенно въ сторонѣ стоитъ новгородская жизнь, которую намъ рисуютъ двѣ былины: Садко-купецъ и Василій Буслаевъ.

Здѣсь мы знакомимся съ жизнью торговаго города, съ жизнью свободною, широкою, своеобразною. Вольный городъ со своими боями на Волховскомъ мосту, со своими вѣчевыми и общинными порядками вѣтаетъ передъ нами особенно живо и ярко въ Василіи Буслаевѣ. Тутъ тоже довольно произвола и насилія, но они смягчаются почитаніемъ старшихъ, силою вѣчевого суда.

Не можетъ Садко совладать съ Великимъ Новгородомъ—весь городъ, т.-е. община, сильнѣе его, богаче его, она можетъ его раздавить, уничтожить, если захочетъ. Не можетъ и Василій ослушаться матери, власть старшихъ, особенно родителей, сдерживаетъ свободную волю, предупреждаетъ насиліе.

Далѣе мы видимъ, что богатыри перевелись потому, что вздумали спорить съ небесною силою—это признаніе высшей силы, съ которою не совладать силѣ физической. составляетъ уже переходъ къ исторической эпохѣ.

Когда нравственная сила настолько окрѣпла въ народѣ, что онъ сталъ сознательно исповѣдывать христіанство, тогда исчезли и богатыри или, вѣрнѣе сказать, тогда въ богатыряхъ уже не ощутилось надобности: народъ перешелъ на другую ступень развитія, у него появились письменные памятники, событія пріобрѣли большую точность, и богатыри замѣнились въ народномъ воображеніи историческими личностями.

Слѣдовательно, читая былинны, мы не должны представлять себѣ богатырей настоящими, жившими когда-то людьми, а должны видѣть въ нихъ олицетвореніе цѣлой эпохи народной жизни, черты народного творчества, уцѣлѣвшія и дошедшія до насъ въ томъ видѣ, какъ создалъ ихъ народъ.

Въ богатыряхъ мы видимъ, что народъ любилъ и что онъ ненавидѣлъ, мы видимъ его самого съ его хорошими и дурными качествами.

Въ картинахъ удержанъ бытовой, мѣстный колоритъ, изгнано все фантастическое, все такое, что могло бы дать невѣрныя понятія о древней жизни. Былины не сказки, и дѣлать богатырей сказочными витязями значило бы исказить ихъ внутренній смыслъ и глубокое значеніе, которое они имѣютъ въ дѣлѣ изученія древней жизни народа.

Если наша книга заставитъ читателей лишній разъ задуматься надъ тѣмъ, что такое былъ нашъ народъ въ первый періодъ своего существованія, если она заставитъ ихъ хоть сколько-нибудь полюбить русскихъ богатырей въ томъ видѣ, въ какомъ они живутъ въ памяти народной, мы будемъ сторицею вознаграждены за свой скромный трудъ.

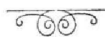


СТАРШІЕ КОГЯТЫРН.

Вольга Бўсалабичъ.

Анкула Селадниковичъ. — Святоторгъ.

Анхайло Петыкъ.





ВОЛЬГА БУСЛАЕВИЧЪ.

авно, давно это было, такъ давно, что даже самые старые люди не запомнятъ, а знаютъ только по-наслышкѣ отъ своихъ дѣдовъ да прадѣдовъ...

Гдѣ теперь города стоятъ, гдѣ села да деревни нестрѣютъ, — тогда почти сплошь тянулись лѣса, такіе густые да дремучіе, что зачастую въ этихъ лѣсахъ нельзя было ни пѣшкомъ пройти, ни верхомъ проѣхать: глубокія могучія рѣки

растекались во все стороны, по берегамъ же ихъ раскинулись такіе широкіе поля, что и глазомъ ихъ не окинуть. Повсюду овраги да ямы, а въ этихъ оврагахъ змѣи да гады всякіе.

Дорогъ одна, двѣ да и обчелся, и дороги-то прокладывались не по-нынѣшнему: прорубать въ лѣсу просѣку, забросаютъ хворостомъ овраги, гдѣ ручей случится — шаткій мостъ на столбикахъ перекинуть, а черезъ рѣку на скорую руку перевозъ заведутъ — вотъ и путь готовъ...

А въ лѣсахъ-то всякаго звѣря кишмя-кишѣло: и медвѣдей, и лисицъ, и волковъ, и туровъ рогатыхъ съ косматою гривой, и вепрей; безъ рогатины да безъ лука нельзя было и въ путь выѣхать. Но не одного звѣря боялся проѣзжій: бродили по дорогамъ разбойники, нечисть всякая, и змѣи горыничини, и колдуны, и

оборотни... Кто выѣзжалъ изъ дому, тому ужъ приходилось трусость за печью оставлять...

Тогда, впрочемъ, и люди-то были иные, не нынѣшнимъ чета: жили тогда на свѣтѣ богатыри да витязи, славились они своей непомѣрною силою, удалствомъ, молодечествомъ; про нихъ прошла молва по всей землѣ русской, долетѣла и до насъ, даромъ, что съ тѣхъ поръ столько вѣковъ утекло.

Стоитъ высоко на небѣ широкій дворъ, такой, что глазомъ не окинуть, вокругъ него желѣзный тынъ съ золотыми маковками, на каждой маковкѣ блеститъ по жемчужинѣ. Посреди этого чуднаго двора три терема: одинъ весь изъ чистаго золота, другой—изъ чистаго серебра, а третій—хрустальный.

Въ золотомъ теремѣ живетъ свѣтъ-красное солнышко, въ серебряномъ—свѣтлый мѣсяцъ, а въ хрустальномъ—дѣтки ихъ частыя звѣздки.

Солнышко всему жизнь даетъ, всѣхъ грѣетъ, всѣмъ улыбается; мѣсяцъ свѣтлый выглянетъ въ темную ночь изъ своего серебрянаго терема и освѣтитъ темныя лебры лѣсныя, рѣки широкія, дороги проѣзжія; запоздалый путникъ спѣшитъ домой подъ его мягкими добрыми лучами и воздастъ славу государю-мѣсяцу пресвѣтлому. А дѣтки ихъ, звѣздки бѣлыя, привѣтливыя, съ ясными зорьками играютъ, студеною росой умываются...

Любило ясное солнышко людей, заботилось о нихъ, зато и отъ людей были ему и почетъ, и слава: лишь только засвѣтитъ оно по-весеннему, съ полудня, люди спѣшать въ честь его костры зажигать: соберутся въ лѣсу подъ дубомъ, на горкѣ и начнутъ пѣсни пѣть, плясать; старшій изъ нихъ наточитъ ножъ, зарѣжетъ козла и сожжетъ его на кострѣ въ честь солнца, а молодежь, между тѣмъ, хороводъ водить, солнышко въ пѣсняхъ умаливаетъ, чтобы оно милостиво взглянуло на рожь съ корнемъ глубокимъ, съ хлѣбомъ обильнымъ, чтобы оно принесло имъ радость и веселье... Проглянетъ солнышко яркимъ лучомъ съ неба, и всѣмъ станетъ радостно, а скроется за темною тучею, нахмурится небо, подуетъ холодомъ съ сѣвера, и люди затоскуютъ, слезами обливаются, поютъ:

Солнышко, ведрышко!
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ...

Ушло красное солнышко въ свой златоглавый теремъ, вышелъ на небо свѣтлый мѣсяцъ, рассыпались по небу дѣтки—частыя звѣздочки... родился на землѣ могучій богатырь, Вольга Буслаевичъ. Вся земля содрогнулась, веколебалась, всколыхалось синее море; звѣри разбѣжались, кто куда могъ: рогатые туры и быстроногіе олени попрятались въ горы, волки и медвѣди разбросались по ельнику, кунницы и соболя на острова уплыли; зайцы, лисицы въ чащу забились; птицы полетѣли высоко въ поднебесье, рыба въ глубь ушла, всё зачуяли, что родилось не простое дитя, что лежитъ въ колыбелькѣ изъ дорогого рыбьяго зуба, подъ шелковымъ пологомъ, могучій витязь.

Мать его, молодая княгиня Марѳа Всеславьевна, на него не налюбуется, пеленаетъ его въ дорогія пелены, свиваетъ шелковымъ поясомъ, баюкаетъ на груди своей, поетъ ему тихія, колыбельныя пѣсни.

Вольга растетъ не по днямъ, а по часамъ. Только полтора часа и полежалъ онъ въ колыбели. Пролетѣли полтора часа, какъ одна минута, а ужъ онъ выросъ на цѣлые полтора года; никто его еще и лепетать не училъ, а ужъ онъ самъ собой говорить научился и сказалъ княгинѣ:

— Родимая матушка, не пеленай ты меня въ пелены, не вяжи поясами шелковыми, пеленай ты меня въ латы желѣзныя, на голову надѣвай мнѣ шлемъ изъ чистаго золота, а въ руки дай мнѣ тяжелую палицу.

Дивуется на него мать, а онъ растетъ себѣ да растетъ... Въ семь лѣтъ сталъ онъ такимъ богатыремъ, какихъ мало. Стали его грамотѣ учить—научился онъ и читать, и писать, всёмъ хитростямъ да мудростямъ, да языкамъ разнымъ заморскимъ—скоро и учителей своихъ перегналъ.

Пришелъ онъ къ матери.

— Родимая,—говорить,—мало мнѣ того, чему меня учителя научили, хочу я и другимъ премудростямъ выучиться: чтобы могъ я, когда вздумаю, обернуться яснымъ соколомъ, по поднебесью летать, ясное солнышко вблизи видѣть, чтобы умѣлъ я скинуться сѣрымъ волкомъ, пробраться въ чащу заповѣдныхъ лѣсовъ, или буйнымъ туромъ—золотые рога, мѣряться силою со всякимъ звѣремъ.

Отпустила его мать къ вѣдунамъ, волхвамъ, научился онъ отъ нихъ всякимъ премудростямъ, въ два года все понялъ, все уразумѣлъ, чего другому бы и на всю жизнь хватило.

Окрѣпъ Вольга, выросъ, почувствовалъ въ себѣ силу и сталъ скликать

дружину. Цѣлыхъ три года собирались къ нему молодые витязи, кто съ полуночи, съ сѣвера, кто съ полудня, съ юга, все такіе же рослые, крѣпкіе, какъ онъ самъ. Набралось ихъ двадцать девять человѣкъ, а самъ Вольга тридцатый. Всеми имъ только-что исполнилось по пятнадцати лѣтъ, у всехъ у нихъ добрые, вѣрные кони, мѣткія стрѣлы, острые мечи, а главное удалъ молодецкая. Горятъ у нихъ молодецкія сердца, хочется показать свою силу да храбрость, хочется добыть себѣ такой славы, чтобы прогремѣла она по всей землѣ русской!..

Простился Вольга со своею матерью и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Не ѣхали за ними ни повозки съ припасами, ни повара съ поварятами, не везли они съ собою ни постелей, ни запасовъ, ни челяди. Зачѣмъ храбрымъ витязямъ все это? У нихъ въ колчанахъ довольно стрѣлъ, чтобы бить птицъ да мелкихъ звѣрей, а на большого звѣря каждый изъ нихъ готовъ выйти одинъ-на-одинъ съ желѣзною палицею, а то и съ дубиною. Постели? къ чему имъ постели, они умѣютъ спать и на голой землѣ съ еѣдомъ подъ головою вмѣсто подушки. У пояса есть у нихъ огниво: выскочить огня да развести костеръ въ полѣ, можно и отогрѣться, и испечь дичину на угольяхъ, а запить студеною водою изъ любого ручья.

Гуляютъ витязи по чистому полю и день, и два... Посылаетъ Вольга своихъ молодежь наловить мелкихъ звѣрей въ лѣсу:

— Гей вы, дружинунка храбрая, вейте веревочки шелковыя, ставьте силки по темному лѣсу, ловите куницъ, лисицъ, черныхъ соболей.

Разбрелись они, разсыпались... Ждетъ, пождетъ Вольга три дня и три ночи, пріѣзжаютъ все съ пустыми руками:

— Не попалася намъ ни одна куница, не повстрѣчалась ни одна лисица, не запутался въ тенетахъ ни одинъ горностайко.

Ударился Вольга о земь, оборотился могучимъ львомъ, въ три прыжка скрылся въ самой чащѣ лѣса и живо наловилъ всякаго звѣря: и буйнаго тура рогатаго, и куницъ, и соболей, и барсовъ, и лисицъ, и медвѣдей; не побрезговать и зайкою сѣренькимъ — всего понабралъ. Подѣлили они добычу, попиrowали, и опять посылаетъ Вольга своихъ витязей:

— Наставьте вы силковъ въ лѣсу, наловите птицъ, гусей, лебедей, соколовъ да ястребовъ, а я буду ждать васъ три дня и три ночи...

Разсыпались витязи по лѣсу, наставили сѣтей да силковъ, думали много